

А. В. ОБОЛОНСКИЙ

## Тупики геополитического имморализма и поиски новой парадигмы

Проблему соотношения политики и морали можно было бы отнести к числу “вечнозеленых”, если бы временами она не приобретала уж очень кровавый цвет. В европейской традиции теоретическое обоснование имманентности политического имморализма принято связывать с именем Н. Макиавелли<sup>1</sup>, хотя гораздо более развернутый и страшный в своей циничной откровенности аналог содержит написанная почти за два тысячелетия до него на противоположном конце Евразии “Книга правителя области Шан” китайского легиста Шан Яна (см. [Переломов, 1981; Древнекитайская... 1973]). На практике макиавеллизм задавал тон в политике, увы, слишком часто и самым зловещим по последствиям образом. Не имея возможности в рамках статьи особо углубляться в историю и теорию вопроса, ограничусь несколькими, но необходимыми ремарками.

Вплоть до второй половины XX в. идеология макиавеллизма была господствующей нормой политического поведения и практики. Однако трагический опыт тоталитаризма и двух мировых войн все-таки кое-чему научил человечество. Основанная на нем политика в значительной мере исчерпала свой идеологический потенциал и “оправдание”. После того как политика стала публичной, народ постепенно осознал свое право и обязанность непосредственно в ней участвовать. Да, собственно, едва ли не в каждой исторической эпохе можно найти подтверждения существования “анти-макиавеллистского”, морального, взгляда на политику. Так, еще Аристотель “видел в политике продолжение этики, своего рода развернутую этику, этику *in concreto*, и в то же время рассматривал саму этику как высшую политическую науку” [Гусейнов, 2004, с. 106]. А Августин писал в труде “О граде Божием”: “При отсутствии справедливости (вариант – “правосудия”, то есть другого перевода слова *justicia*. – А.О.), что такое государства, как не большие разбойничьи шайки, так как сами разбойничьи шайки, что такое как не государства в миниатюре?” (цит. по [Графский, 2005, с. 185]). С XV в., с начала эпохи гуманизма, “моральная философия” стала не только фактором общественной рефлексии, но и элементом системы образования в рамках так называемых “наук о человеческом” (*studia humanitatis*). Но начало подлинного возрождения антимаккиавеллизма в политической сфере можно условно датировать рубежом 60–70-х гг. XX в.

Первым толчком послужила прокатившаяся по Европе и Америке так называемая “студенческая революция”. Потом она аукнулась уотергейтским скандалом, фактическим изгнанием с политической авансцены функционально успешного, но не имевше-

---

<sup>1</sup> Что справедливо лишь отчасти, ибо, изложив рецепты циничного манипулирования инструментами власти в “Государе”, он, как следует из других его работ, сам с ними идейно не солидаризировался.

го моральных самоограничений президента Р. Никсона, движением, получившим название “разгребание грязи”, выдвижением во время президентства Дж. Картера прав человека как одного из приоритетов международной политики и еще многим другим. А главное, моральные ценности стали играть все более заметную роль в оценке обществом происходящего на политических подмостках.

И политический класс вынужден был отреагировать на это изменение в самосознании общества. Этические начала государственной жизни становятся объектом достаточно жесткого социального контроля и регламентации, в том числе и на законодательном уровне. Было признано, что **жизнеспособность и легитимность политической системы страны во многом зависят от того, насколько государственные институты и высшие должностные лица отвечают господствующим в обществе ценностям и идеалам, а их поведение соответствует нормам общественной морали** (см. [Оболонский, 2002а, с. 120–124, 160–161]). Конечно, этот процесс не был, да и не мог быть простым. Случались довольно длительные драматические откаты в традиционную сторону политического цинизма. Вот как, например, писал об этом нынешний Президент США Б. Обама: “Но тектонические плиты уже пришли в движение. Политика стала предметом морали, а не просто злобой дня, ее начали рассматривать в категориях моральных императивов и абсолютов. А еще политика стала гораздо более личной” [Обама, 2008, с. 35]. Вообще из этой книги возникает образ Обамы как человека с иной, чем у “обычных” политиков, шкалой ценностей, как носителя идеи политики, ориентированной на человека, его нужды и чаяния, а не на некие “высшие” интересы и цели.

В России в силу трагических особенностей ее истории (не говоря уж о снова вошедших в моду политиканских спекуляциях на специфике нашей “уникальной ментальности”) процесс “морализации политики” и начался с запозданием, да и вообще малозаметен. Гораздо заметнее политический имморализм. Часто он практически даже не маскируется и открыто провозглашает старый лозунг о якобы несовместимости политики и морали. Можно даже утверждать, что в 2000-е гг. у нас произошел *ренессанс макиавеллизма*, пусть во внешне замаскированных популистской риторикой и жестами, но по сути – в достаточно циничных и крайних формах. У нашего государства появилось все больше черт военно-бюрократической системы управления, что всегда происходит за счет ущемления интересов и прав людей. По существу, мы столкнулись с попыткой вновь захлопнуть еще недавно довольно широко распахнувшуюся дверь открытого общества. Произошло как раз то, о чем предостерегал К. Поппер, считавший глубочайшей и еще далеко не завершенной революцией в истории переход от общества закрытого, где индивид растворен в коллективности, взамен получая иллюзию защищенности, к обществу открытому, где он свободен и должен сам принимать личные решения. Такой переход неизбежно сопряжен со страхом свободы, с желанием и попытками вновь захлопнуть уже отворенную дверь. И, как показывает история, процесс действительно можно задержать. Но это приносит лишь новые беды, ибо вернуться в мнимый “утраченный рай” тоталитаризма невозможно. “Чем старательнее мы пытаемся вернуться к героическому веку племенного духа, тем вернее мы в действительности придем к инквизиции, секретной полиции и романтизированному гангстеризму... нам следует найти опору в ясном понимании того простого выбора, перед которым мы стоим. Мы можем вернуться в животное состояние. Однако если мы хотим остаться людьми, то перед нами только один путь – путь в открытое общество” [Поппер, 1992, с. 248].

И мы, вопреки всем трагедиям и бедам нашей “печальной и многотерпеливой”, по выражению А. Герцена, истории, вопреки тяжелым экономическим, социально-психологическим и иным обстоятельствам, наконец, вопреки ламентациям о нашей якобы неизбежно рабской ментальности, мы все же смогли сделать несколько важных шагов на этом пути. У нас есть основания, глядя в совсем недалекое прошлое, с определенной гордостью вспоминать и идею приоритета общечеловеческих ценностей (она хоть и родилась в недрах горбачевского ЦК в основном как “красивый” риторический прием, но затем на какое-то время стала фактором практической политики), и

полную внутреннего драматизма глубоко нравственную жизнь и судьбу А. Сахарова, и некоторые поступки “раннего” Б. Ельцина, а главное, то охватившее миллионы людей в конце 1980-х – начале 1990-х гг. чувство нравственного освобождения от пресса тоталитарного государства, когда общество действительно поднялось с колен. Именно *тот период представляется мне самым достойным и нравственно высоким в нашей истории XX в.* Почему он оказался столь кратковременным, на мой взгляд, – самый тяжелый и больной вопрос двух последних десятилетий. Но к теме России мы еще вернемся, а сейчас обратимся к анализу той ставшей одно время почти официальной идеологии, которая как бы легитимизирует это попятное движение. В основе его в явном или неявном виде лежит геополитическая парадигма.

### Геополитика как вид ложного сознания

Как известно, *геополитика* (сейчас ее предпочитают называть мировой политикой) – *это государственная идеология и обслуживающая ее научная дисциплина, в основе которой лежит социал-дарвинистский взгляд на мир* исключительно как на арену “внутривидовой” борьбы государств, борьбы, в которой меняются задачи, методы, промежуточные цели, но не сама суть: народы – враги, мир – ринг, государства – борцы на нем, а конфликт – основа основ существования и взаимоотношений. Союзы, блоки и т.п. – лишь тактические уловки, не меняющие глубинной враждебной сути. Этот взгляд на соседей “через оружейный прицел” в разных формах существовал всегда, но как законченная идеологема сложился на рубеже XIX–XX вв. Он стал влиятельным во многих европейских странах, но в предельных формах – как основа государственной политики – воплотился в нацистской Германии и в СССР. Этот геополитический фантом стоил человечеству двух мировых и множества “малых” войн, а также неизбежно сопутствовавших им войн с “внутренними врагами”, принесся людям неисчислимые беды и страдания. Словом, *геополитика* – насквозь пропитанный кровью *вид ложного сознания*. Он и основанные на нем драмы должны изучаться и анализироваться, но лишь как *история болезни человечества, как политическая криминология*. Внегуманитарный взгляд на мир как на шахматную доску, модель анализа шахматной партии, где люди, а то и целые народы – в лучшем случае, лишь пешки, а то и просто пылинки, – не что иное, как апологетика преступности. Он аморален в своей основе и может привести человечество лишь к новым безднам горя, унижений, гибели.

Новые времена породили и новые формы геополитики: геоэкономику, геокультуру, информационную геополитику. Но ее глубинная конфронтационная и экспансионистская суть от того не изменилась. В этом она недалеко ушла и от нацистской идеологии, и от классического евразийства первых десятилетий XX в.

Казалось бы, страшные уроки минувшего столетия должны были отвлечь людей от подобных представлений, а саму геополитическую логику отправить на свалку истории. Но этого, увы, не произошло. Слишком уж удобна такая политическая алхимия для тех, кто благодаря ей вдруг могут ощутить себя вершителями судеб мира (или, по крайней мере, судеб миллионов), да еще и получить с этого неплохие дивиденды, а также немалое число обслуживающего их персонала. Работа этих “ученых приказчиков” – облечь античеловечные цели в пристойные квазиидеологические одежды, подкрасить их политологическим макияжем, а то и подсказать какие-нибудь циничные “политехнологические” приемы. Возрождаются и даже “обосновываются” неоперские химеры.

Впрочем, чаще все ограничивается заклинаниями. Так, недавно меня привлек заголовок доклада одного из наших геополитиков на весьма серьезной конференции “Россия в пятерке мировых лидеров” и я прочитал его начало, предполагающее обоснование этой амбициозной цели. Оказалось, что это связано не с какими-либо объективными факторами, а с тем, что таков, оказывается, “запрос российской политической элиты, не удовлетворенной нынешним положением России в современном мире”, а также с

тем, что “такая задача совпадает с чаяниями русского народа, в национальном самосознании которого глубоко укоренено представление о России как о великой стране, на протяжении многих веков игравшей ключевую роль в мировой истории”. Удержусь от соблазна пересказа путей, какими предлагается удовлетворить эту “элитную” манию величия и якобы народные чаяния. Я слишком уважаю читателей. А автору доклада, похоже, неизвестна очевидная для любого нелюдоедского режима посылка, что *внешняя политика должна лишь обслуживать главную – внутреннюю, поскольку именно последняя напрямую связана с интересами граждан страны*, а не отражать некие химеры, рожденные в мозгу рассуждающих у крупномасштабных карт и глобусов политиканов и их присных. Не политики и не их идеологические “портные”, а обычные люди России и СССР веками расплачивались своими жизнями за политические амбиции и *mania grandiosa* дворцовых и кремлевских “геополитиков”. Вся эта логика густо пропитана кровью миллионов людей многих стран мира. Но “мертвый хватает живого”.

Одна из связанных с этим болезней – “мистическое одушевление государства, на котором... держится государственническая мифология” [Драгунский, 2008, с. 5], а также явно целенаправленное нагнетание имперской идеологии с сопутствующими рассуждениями о “русской исключительности”, “всемирной миссии” и т.п. При этом расчетливо и цинично эксплуатируются естественные патриотические чувства людей, шулерски подменяемые идеями “государственного величия”, “естественных” внешнеполитических интересов и целей, “славянского единства” и т.п., а также фантомные боли так называемого “постимперского синдрома”. (Мы, впрочем, в этом не уникальны, подобное пережили и Великобритания после распада Британской империи, и Австрия после краха империи Габсбургов. Но у нас он вдобавок отягощен еще и синдромом посттоталитаризма.)

К тому же эта *аморальная в своей основе логика* во многих отношениях находится в явном противоречии с главными векторами мирового развития и потребностями современных людей, их представлениями о роли и назначении государства в их жизни. Пожалуй, это наиболее явно обнаруживается применительно к проблематике демократии. На мой взгляд, *демократия и мораль довольно тесно взаимосвязаны*, во всяком случае, в странах с реальными демократическими традициями и институтами. Так называемые “простые люди”, наученные горьким опытом двух мировых войн, когда ими манипулировали, больше не согласны удовлетворяться ролями периодических, а зачастую и фиктивных участников политического процесса. И *движение в сторону морализации политики* находится в том же ряду. Да и обществу в целом без реальной, а не “управляемой”, то есть имитационной, демократии трудно, а быть может, и невозможно справляться с вызовами XXI в. Деятельность всех ветвей власти должна быть прозрачна и подконтрольна. Вообще, стремление к *публичности политики* – одна из главных движущих сил современной демократии. Лишь демократия (да и то не в полной мере) может обеспечить хотя бы относительную моральность политики, на деле руководствующейся критериями добра и зла, честности, совести, справедливости, долга и другими моральными категориями. Как писал когда-то протестантский богослов Р. Нибур в своей работе “Дети света и тьмы”, “человеческая способность к справедливости делает демократию возможной, но человеческая склонность к несправедливости делает демократию необходимой” (цит. по [Крук, 2004, с. 50]).

Правда, история знает некоторые примеры попыток проведения моральной политики авторитарными методами (Кай Юлий Цезарь, Людвиг Баварский, Александр I, список можно продолжить), как правило, исходившие от благонамеренных, то есть желавших народу добра, монархов. Таким образом, все оказывалось в зависимости от личных качеств автократа. Однако чаще всего такие попытки в итоге оказывались малоуспешными, а порой и заканчивались трагически. Ведь, как известно, “власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно”. Поэтому над любым, даже самым прекраснородным правителем необходим эффективный общественный контроль. К тому же при авторитарной форме правления отсутствуют какие-либо гарантии, что власть от “хорошего” автократа перейдет к тоже “хорошему” наследнику.

Так что те, кто в наше время по-прежнему отрицают органическую связь политики и морали, идут против ветра истории. Именно *наличие либо отсутствие нравственной, моральной компоненты маркирует границу между политикой в подлинном смысле и политиканством, политическим интриганством*. Но, как известно, если искусно лавировать, то против ветра какое-то время двигаться вполне возможно. И многое в нашем историческом движении 2000-х гг. напоминает именно такое маневрирование. Под лозунгом “поднимания с колен” произошло возрождение авторитаризма и политического аморализма. Приоритет “системных интересов” над интересами гражданина ни в коей мере не может быть сбалансирован никаким экономическим либерализмом, который, впрочем, как мы видим, тоже не может быть устойчивым в условиях нынешней якобы “государственной” модели. Этим, кстати, лишний раз доказывается ущербность тезиса о первичном значении экономики по отношению к моральным и другим культурным факторам. Как бы ни маскировать наблюдаемый *ренессанс макиавеллизма* популистской риторикой и жестами, это всегда происходит за счет ущемления интересов и прав людей. Одним из наиболее одиозных примеров этого представляется спекулятивное использование неспособности государства, прежде всего в лице так называемых правоохранительных органов, уберечь граждан от терроризма и разгула насилия практическим лишением их под флагом “укрепления единства власти” существенной части конституционных прав и свобод.

А что касается “поднимающейся с колен России” и “лихих 90-х”, то я считаю, что “с колен” мы как раз поднимались в период перестройки и начала рыночных реформ (условно с 1987 по 1993 г.). Я считаю эти годы самыми нравственно высоким и достойным временем в нашей истории второй половины XX в. После десятилетий тоталитаристского пресса оказалось, что у стольких людей сохранились мужество и силы, чтобы распрямиться и заявить о себе не как о бесправных холопах, а как о Гражданах. Да, одновременно поднялось много пены и грязи, но после всех измывательств над человеческой личностью, на которые был столь горазд “реальный социализм”, удивительно не это, а противоположное: чувство человеческого достоинства не умерло, а проявилось во вполне цивилизованных формах. (Во время тогдашних многотысячных демонстраций и шествий не было разбито ни одного окна, не перевернута ни одна машина. Участники событий помнят особую атмосферу взаимоуважения и предупредительности, царившую на тех митингах.)

Когда ломаются любые, пусть даже изжившие себя ценностные системы, временная нравственная аномия неизбежна. Послевоенный скачок преступности в проигравших войну Германии и Италии – тому подтверждение. А мы ведь тоже, победив внешний фашизм, проиграли в XX в. свою “войну” за создание в собственной стране условий для достойного существования Человека. И кстати, весомая доля преступлений и аморальных действий в пресловутые “лихие 90-е” была совершена не “простыми” людьми, а политическими “мутантами”, “оборотнями”, легче других скинувшими советские одежды и перекрасившимися в “людей нового времени”. А теперь они, используя пусть несовершенную, но реальную свободу 1990-х как время “Клондайка” для личного обогащения и преуспевания, наловив немало “рыбки” в тогдашней “мутной воде”, небезуспешно выплескивают вместе с ней и главное достижение тех лет – демократию. А поскольку эта проблема тесно связана с более широкой – с извечным антиличностным характером российской государственности, то время обратиться к нашей истории.

### **Перекрестки российской истории**

Россия была и, похоже, остается ареной борьбы двух противоположных “генотипов” (надеюсь, ясно, что термин условный, метафорический) социально-этического сознания – системоцентризма и персоноцентризма. Максимально кратко их основное различие состоит в противоположности подходов к разрешению моральных конфликтов, возникающих между личностью и социальной общностью. Системоцентристская традиция предполагает заведомый приоритет интересов целого, то есть общества

или/и разного уровня коллективов (и, соответственно, имеющих возможность выступать от их имени лиц), тогда как персонцентризм исходит из высшей ценности законного интереса отдельного человека, из главенства интересов и прав отдельной личности. По сути, это два полярных видения мира, два параллельных пути развития цивилизации. И хотя логически второй не есть продолжение первого, но исторически системоцентристский путь был первым, и лишь много позднее от него как бы отпочковался персонцентризм. С моей точки зрения, это две принципиально разные дороги развития общества. Они то расходятся, то сближаются, а иногда между ними возникают как бы мостики и даже *перекрестки*. И общество, оказавшись в этой точке бифуркации, может попытаться перейти на другую колею, что зависит и от его готовности к такому шагу и порой также от ряда ситуативных, случайных факторов (подробнее см. [Оболонский, 1994; Оболонский, 2002б]).

Не стану затрагивать сейчас сложнейшую многофакторную проблему динамики глобального развития. Ограничусь предположением, что, возможно, кризисы XX в. подвели нас к порогу нового этического типа сознания. Если сохранять осторожный исторический оптимизм, то, думается, в результате этот новый этический тип может сложиться как более или менее сбалансированное, органичное соединение этик системоцентризма и персонцентризма. Назовем его *органичным, солидаристским или гражданским коллективизмом*. В идеале он представляет собой сочетание лучших черт двух других типов и (по крайней мере теоретически) способен обеспечить гармоничное сочетание интересов личности с интересами общества.

В рамках этой дихотомии трагедия России видится в том, что она так и не смогла изменить трассу своего исторического развития, хотя в истории у нее несколько раз возникали для этого шансы. Первыми такими историческими перекрестками, на которых наше тогдашнее общество оказалось не готовым сменить “колею” и потому не сумело использовать шанс для перехода на персонцентристский путь развития, я считаю Смутное время, затем годы петровской “перестройки”, а по сути, национальной трагедии псевдореформации, подмявшей и повернувшей в прежнем системоцентристском направлении уже вызревавшую к тому времени потребность в подлинных, глубинных изменениях на уровне архетипа, отчасти – “заговор верховников” 1730 г. и, конечно, “стартовое” десятилетие царствования Екатерины II.

Две следующие попытки, имевшие, в отличие от предыдущих, реальные шансы на успех и потому столь трагичные, пришлось на XIX в. Их политическими кульминациями стали морозный декабрьский день 1825 г. и сырой петербургский первомартовский день 1881 г. По-видимому, первые десятилетия XIX в. – тот момент истории, когда персонцентризм стал представлять в России более или менее заметную социальную величину. Именно тогда он заявил о себе как о реальной альтернативе извечному российскому системоцентристскому “людодерству”. На мой взгляд, принципиальное отличие ситуации, сложившейся в то время, от персонцентристских всплесков двух предыдущих столетий состоит в том, что персонцентризм тогда впервые заявил о себе как о силе, которую не так-то просто бесследно уничтожить (а такая попытка была предпринята в царствование Николая I), силе, обладающей определенной социальной базой (тогда – в лице образованной и обретшей чувство социальной ответственности и достоинства лучшей части дворянства) и достаточно развитым самосознанием. В стране появилась, используя выражение Д. Дидро, “новая порода людей”, и весь XIX в. прошел под знаком ее укрепления и развития.

Разумеется, мы говорим сейчас лишь об одном из векторов исторического процесса. В реальности все было гораздо сложнее. В частности, параллельно развивалась романтическая, теплая, но консервативная с точки зрения политических прав и вообще подозрительно относившаяся к идее развития славянофильская идеология. Ее выразители считали концепцию политических прав личности непригодной для российской “ментальности”, поскольку в России вместо борьбы политических партий, вместо парламентаризма и конституционных ограничений власти якобы господствует “сборное единение” всего народа перед лицом абсолютной монархии, что русский народ

“неполитический” и потому нам-де, в отличие от “загнивающего” Запада, не нужны никакие политические права. (С каким, однако, заслуживающим лучшего применения упорством, наши идеологи различных политических мастей, но одной “грунтовой” окраски, уже которое столетие хоронят “загнивающий” Запад!)

Но так или иначе, к началу XX в. персоноцентризм стал в русском обществе настолько значительной силой, что даже без политических подталкиваний начала крепиться и покрываться трещинами пирамида извечного российского системоцентризма. Впервые его монопольный контроль над общественным сознанием оказался под реальной угрозой, впервые возможность построения жизни на иных началах, нежели системоцентристское “людодерство”, стала более чем реальной. Еще несколько десятилетий спокойного развития – и уже ничто было бы не в силах помешать переходу России на системоцентристские рельсы. Однако здесь роковую роль сыграло то, что, *в отличие от западных стран, персоноцентризм в России развивался не “вширь”, а “вглубь”, то есть в основном в пределах одного социального слоя – интеллигенции. При этом даже в его рамках он охватывал лишь одну ее часть, в политическом слогане обычно именуемую “либеральной интеллигенцией”. Другая же часть интеллигентов – “политические радикалы” – по глубинной сути своей оставались теми же системоцентристами, лишь нового образца.* Они мыслили и действовали (к несчастью для общества очень активно и успешно) в рамках все той же прежней антиличностной шкалы ценностей, только перевернутой вверх дном по принципу “кто был ничем – тот станет всем”. Такая социальная сверхконцентрация персоноцентризма породила уникальное в мировой истории явление – российскую гуманистическую интеллигенцию. Но в политическом плане она привела к национальной трагедии. Узость социального основания персоноцентризма предопределила его поражение, несмотря на то, что к началу Первой мировой войны на персоноцентристскую “колею” постепенно перебравлась лучшая часть российского общества. Но времени не хватило. Параллельный фанатичный и изощренный активизм радикалов оказался сильнее. Деструктивные процессы, как правило, развиваются быстрее конструктивных. Динамика этих параллельных процессов развивалась на протяжении жизни двух поколений – от 70-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в. И в этом смысле революция и все последующие перипетии российской истории были не кульминацией, а почти неизбежной развязкой трагедии.

Экстремистски настроенные идеологи уничтожили поросль персоноцентризма и сделали ставку на “большой скачок”, вознамерившись прямо шагнуть от традиционалистского системоцентризма к некоему “высшему” коллективизму. Такое игнорирование эволюционных закономерностей исторического процесса могло привести только к краху. И он произошел. Вместо идеала “нового человека” был получен чудовищный кентавр с некоторыми формами второго этического генотипа, с претензиями третьего, но с сущностью первого. Российский системоцентризм снова проявил свою феноменальную живучесть и изворотливость. Оказавшись в опасности, он произвел отчаянный радикальный маневр и ценой “переодевания”, ценой полной внешней трансформации еще раз уничтожил свою историческую альтернативу и вновь сохранил себя и свое господствующее положение. Для этого ему пришлось пожертвовать многими традиционными символами и атрибутами и даже принести на алтарь исторической борьбы интересы привилегированной части общества. Пирамида была как бы опрокинута набок, и темная стихия глубинного национального системоцентризма захлестнула и родственную ей системоцентристскую структуру самодержавной власти, и, увы, сконцентрированных лишь в одном блоке, в одном общественном слое носителей персоноцентристского генотипа.

Когда же рассеялся дым Октябрьской революции (введший в заблуждение многих даже весьма проницательных наблюдателей, не говоря уже об участниках событий), оказалось, что системоцентризм, сменив идеологические и политические вывески и кардинальным образом разделившись с персоноцентристской оппозицией, еще увереннее и тверже, чем раньше, господствует на продолжавшей расширяться территории Российской империи.

*Победила задрапированная в радикальные одежды антиреформаторская линия.* В социально-этическом плане *произошел ренессанс системоцентризма*, то есть его возрождение и укрепление на новой, более динамичной и прочной основе. В плане социально-психологическом за счет разрушения некоторых вторичных, производных стереотипов национального сознания и их замены другими, по форме более модернистскими, но по своей глубинной сути работающими на те же базовые ценности, также произошло укрепление традиционного психологического генотипа. В идеологическом плане место государственного православия заняла новая официальная религия, фразеологически совершенно иная, но по способам воздействия на умы паствы, по формируемому ею социальному типу личности подобная ему и потому успешно эксплуатирующая наиболее косные традиционные стереотипы сознания.

В плане политического режима изменения также коснулись скорее внешних атрибутов и отчасти форм осуществления власти, а также состава обладающих ею групп, чем политических целей и средств их достижения. Особенно очевидна преемственность в области, практически целиком выводимой из социально-этических и социально-психологических факторов, – в области духа политической жизни, который на более конкретном уровне раскрывается через категории политического сознания и политической культуры общества.

Главные “несущие” опоры системоцентристской политической конструкции не только успешно пережили “смутное время” революции, но в некоторых отношениях стали еще крепче. Словом, мы “проиграли” XX в. и, как бы реанимировав наиболее косные черты национального сознания, в лучшем случае протоптались на месте, потеряв столь важное и, может быть, даже невосполнимое время для позитивного развития. Единственным и весьма слабым утешением может служить то, что мы показали миру негативный пример ложного пути. Впрочем, особой благодарности за этот негативный урок “как не надо делать” ждать не приходится.

Однако глубинный смысл происшедшего поняли в то время очень немногие. Да что говорить о тех временах, если даже сейчас миф о советском обществе как “обществе нового типа” жив в сознании и его апологетов, и его противников. На политической поверхности явлений – но только на ней – так оно во многом и было. Жизнь и судьба пяти поколений – от родившихся в 1880-х до увидевших свет в 1960-е – были принесены в жертву молоху советского псевдосоциализма.

Лишь в последнее десятилетие XX в., после занявшего три четверти столетия “штрафного круга” по системоцентристской более, наше общество смогло вновь выйти на новый перекресток своей судьбы. В очередной раз решается, по какому из путей мы пойдем дальше: по накатанному ли авторитарному системоцентристскому, где человеческой личности при всех политических формах и режимах правления отводится лишь роль пресловутого “винтика”, или же, наконец, перейдем на трассу устойчивого демократического, персоноцентристского развития, где жесткие ухабы в начале пути формируют у людей чувства социальной ответственности, независимости, личного достоинства. Уже без малого два десятилетия весы нашей исторической судьбы колеблются. В “лихие 90-е” они склонялись в сторону либеральной “чаши”, в 2000-е – в обратную. Романтический оптимизм первых лет, вполне сосуществовавший с циничным прагматизмом приобретателей “плохо лежавшей” недавней госсобственности и другими, по меньшей мере, неоднозначными событиями, постепенно уступил место иным чувствам, а с конца 1990-х – и оправданному беспокойству в связи с *опасностью опять вернуться в прежнюю колею, хоть и во внешне модернизированном ее варианте*. В 2000-е процесс обратного движения набрал силу. Его зловещие приметы – явно инспирируемая “полуреабилитация” людоедского сталинизма и возврат к тогдашней интерпретации предвоенного советско-германского сговора. Он имеет несколько составляющих. Остановимся на двух идеологических мифологемах, интенсивно и целенаправленно используемых официозной пропагандой, – *державно-патриотической* и *“особого пути” России*.

## Эксплуатация державного “патриотизма”

Нам, обитателям “одной шестой части суши”, в XX в. пришлось пройти не только через физические страдания и материальные лишения. Несколько переломов пережили и психика, и моральное сознание людей. Режим на протяжении десятилетий, используя целый набор методов – репрессии, идеологическое оболванивание, подкуп отдельных групп, – формировал “советского человека”. И во многом ему это удалось. Сложился особый личностный тип – *homo soveticus* (см. [Левада, 2006]).

Система обанкротилась – сначала идеологически, затем экономически и в довершение политически. Однако люди, взращенные ею, никуда не исчезли. У них началась, а во многом и продолжается до сих пор, жестокая морально-психологическая “ломка”. Но это состояние перешло и на их детей, не испытавших “прелестей” советской жизни. Разумеется, она по-разному протекала у разных социальных групп, разных этносов и поколений. Это – предмет отдельных исследований, для которых, возможно, еще не пришло время<sup>2</sup>. А для нашего сюжета важно лишь зафиксировать факт массовых личностных деформаций, связанных с девальвацией прежних ценностей и необретением новых. Общество оказалось в яме моральной аномии. Видимо, это было неизбежно. Но от этого, как говорится, не легче. Романтические надежды на быструю перестройку массового сознания под воздействием “невидимой руки рынка” скоро обнаружили свою утопичность. К тому же крушению иллюзий способствовали социально-экономические и политические обстоятельства. В результате базовая либеральная ценность – свобода – была в значительной мере девальвирована и дискредитирована в общественном сознании. Возникла противоположная утопия – тоска по “порядку”.

На такой почве патриотическая идеологема была просто обречена на успех. Но тем, кто сосредоточили в своих руках почти монопольный доступ к медийным и иным “усилителям”, нужен был патриотизм особого рода, накрепко связанный с возвеличением государства и власти. Этот квазиэтатизм, фетишизация власти как таковой, предполагает, что она есть главный, если не единственный, стержень, на котором держится общество. Последнее почти отождествляется с государством, которое как бы получает исключительное право представлять родину и народ, особо не интересуясь при этом его мнением. Происходит *подмена патриотизма естественного, то есть теплого чувства по отношению к своей стране, к ее людям, наконец, к “малой родине” “патриотизмом” казенным, предполагающим нерассуждающее преклонение перед властью и ее демонстративную поддержку.*

Шулерская суть этого трюка была понятна многим еще в позапрошлом веке. Л. Толстой в статье “Христианство и патриотизм” писал о “гипнотизации” народа посредством разжигания патриотизма, что “патриотизм есть не что иное для правителей, как орудие для достижения властолюбивых и корыстных целей, а для управляемых – отречение от человеческого достоинства, разума, совести и рабское подчинение тем, кто во власти” [Толстой, 1956, с. 65].

А почти забытый ныне, но в свое время авторитетный русский публицист В. Зайцев опубликовал в 1877 г. в газете “Общее дело” статью “Наш и их патриотизм”, где анализировал официозную подоплеку славянофильского псевдопатриотического славословия и противопоставлял ему альтернативу подлинного патриотизма: “Есть два манера любить свой народ и свое отечество. Первый манер любить его так, как каждый из нас любит хорошее жаркое... Этот способ любви чрезвычайно психически прост и понятен всякому идиоту, почему идиотами и признается единственно нормальным. Надо сознаться, что в сравнении с этой простотой наше народолюбие и наш патриотизм представляются вещью до того сложной, что непонимание его идиотами сопровождается для них смягчающими обстоятельствами... Относясь беспристрастно к своей родине, мы видим в ней вместо сочного жаркого одну из самых обездоленных

<sup>2</sup>Н. Винер писал, что мы слишком настроены на объект исследования, чтобы быть и хорошими зондами.

частей земного шара... Официальные патриоты заинтересованы в том, чтобы она та-кою и оставалась, так как и в этом виде она им представляет вкусное блюдо, снабжая в изобилии севрюжиной, морошкой и вологодскими рябчиками. Мы же заинтересованы в том, чтобы вывести родину из этого невзрачного положения. Беспристрастный человек может легко рассудить, чей патриотизм бескорыстнее и чьи стремления выгоднее для самой родины” [Зайцев, 1966, с. 295–296].

В басенной форме отвечал на тот же вопрос наиболее глубокий и едкий из критиков российского казенного имперского самосознания М. Салтыков-Щедрин. Помните его сказку о маленьком кроте, который пытался выбраться к свету и солнцу из холодной сырой норы, но столкнулся с категорическим материнским запретом, мотивированным тем, что эта темная и сырая нора есть его отечество? Она так и называется: “Добрый патриот”. В другом месте писатель ядовито замечает: “Начальство полагает, что наилучшее выражение патриотизма заключается в беспрекословном исполнении начальственных предписаний” [Салтыков-Щедрин, 1906, с. 171] В. Ключевский, прослеживая траекторию российской истории, в которой усилению государства, как правило, сопутствовали ухудшение положения подданных, увеличение тяжести государственного гнета, сформулировал резюме этого процесса с гениальной лапидарностью: *“государство пухло – а народ хирел”* (курсив мой. – А.О.) [Ключевский, 1957, с. 12].

Увы, эти и другие предостерегающие голоса чаще всего заглушались риторикой иного рода, громкой, разнузданной и уже открыто апеллировавшей не к высшим и теплым сторонам человеческих душ, а к низшим, пропитанным страхом и ненавистью ко всему “не нашему”. И при этом в ней все больше звучал державно-имперский металл, тональность, которую еще А. Герцен уничижительно характеризовал как петербургский патриотизм, который похвастается количеством штыков и опирается на пушки.

“Тонкая красная линия” отделяет патриотизм от поначалу почти незаметного перерождения его в национализм. Дальнейшее происходит уже по иной логике, по законам, описывающим, например, движение под гору. Наш великий философ В. Соловьев заметил, что в России даже самый умеренный национализм превращается в “бешеный”, неумолимо сползая по четырехступенной “лестнице”: национальное самосознание – национальное самодовольство – национальный эгоизм – националистическая ненависть (см., например, посвященную этой проблеме монографию [Янов, 2002]). Изначальное доброе содержание патриотизма исчезло, уступив место шовинистической злобности по отношению к другим.

Думается, в основе многих форм национализма (включая шовинизм) лежит глубоко замаскированный, по большей части неосознаваемый комплекс неполноценности. Базирующаяся на нем идеология проникнута духом поиска постороннего “козла отпущения”, то есть возложения ответственности за собственные беды и неудачи не на самих себя, а на неких злокозненных инородцев. Погромный потенциал такого рода “неопочвенничества” может обращаться и часто обращается на любые национальные меньшинства и на этнических соседей и даже на “титularyную” нацию. Примеров его, увы, немало и на территории бывшего СССР, и в самой России. Проблема эта настолько сложна и болезненна, что ее никак нельзя обсуждать “походя”, наряду с другими вопросами. Замечу лишь, что комплекс национальной неполноценности, казалось бы, уж никак не должен быть присущ нашей великой нации, для коей к тому же открылось сейчас необъятное поле деятельности по “обустройству” собственной жизни и страны без поиска каких-то “злоумышленников”, якобы задумавших сгубить более чем сто-миллионный народ с тысячелетней культурой, живущий на богатейшей земле.

Тем не менее тесно сопряженный с национализмом “стихийный народный империализм” – эмпирический факт, от которого не уйти. Обычно понятие империализма применяют к государственно-идеологическим сферам. Однако существует и империализм “народный”, присущий так называемым “простым людям”. Это явление носит интернациональный характер и свойственно, например, французскому (а до 1945 г. – и немецкому) массовому сознанию ничуть не меньше, чем российскому. Нередко мож-

но слышать, как какой-нибудь обыватель с ограниченным кругозором интуитивно рассуждает почти в классических геополитических категориях о государственных интересах, интернациональном долге и т.п. Применительно к азиатской части СССР упор делается на “цивилизаторскую миссию” России; применительно же к Восточной Европе и Прибалтике главный тезис звучит приблизительно так: “Мы-де их освободили, а они, неблагодарные, не захотели жить по-нашему!” При этом почему-то не приходит в голову, что “освобождение”, сопровождающееся стремлением принудить “жить по-нашему”, называется не столь возвышенно, а совсем иначе.

Могут возразить, что вся эта народная империалистическая психология сложилась отнюдь не спонтанно, а внушена массам по идеологическим каналам. Однако если это и справедливо, то лишь отчасти. Как свидетельствует история мощнейшей советской системы массовой пропаганды, она бывала эффективной лишь в тех случаях, когда ей удавалось “оседлать” уже существовавшие в массовом сознании представления. В данном случае она лишь усиливает глубинные стереотипы традиционалистского сознания, отражающие настроенную неприязнь ко всякого рода “чужакам” и, манипулируя ими, направляет ее против того “врага”, возмущение которым в данный момент больше всего отвечает потребностям текущей политики. Как далеко все это от позиции, заключенной в простых некрасовских строках: “Кто живет без страданий и боли, тот не любит отчизны своей”.

### **“Особый путь” – неизбежность или миф?**

Миф “особого пути” – извечная российская консервативная утопия. За последнее десятилетие он занял непомерно большое место как в массовом, так и в “просвещенном” сознании наших соотечественников. Одни (условно назову их “патриотами”) его лелеют и пестуют. Другие (условно “западники”) относятся к нему как к несчастью или, по меньшей мере, как к плохому климату, в котором им выпало жить. Но и те и другие трактуют его как нечто фатальное, как нашу непреодолимую судьбу в духе греческих трагедий.

Просвещенные “патриоты” – не только активные “пользователи” мифа “особости”. Многие из них – его редакторы и даже конструкторы. Так называемая “концепция суверенной демократии” имеет вовсе не народное происхождение, а зародилась в конкретных мозгах и с вполне конкретными целями. То же относится и к идеологеме “ресурсного государства”, согласно которой так называемый административный ресурс – не преступное отклонение от выстраданных цивилизацией стандартов, даже не просто норма, а единственный эффективный механизм, способный обеспечить функционирование российского государственного механизма. Нормой объявлены и клиентельные отношения между держателями ресурса и потребителями государственных услуг, а категории “право”, “конституция”, “демократия” и другие подобные западные “выдумки” якобы имеют весьма ограниченное отношение к российской реальности, да и в принципе нам мало подходят (см., например, [Кордонский, 2005]). Но все это ведь тоже ввел в оборот и легитимировал как нашу якобы естественную и неизбывную специфику отнюдь не народ, а прикормленные “ученые приказчики”, вся “идеология” которых состоит в том, чтобы удачно склеить еще существующие, но не доминирующие патриархальные стереотипы массового сознания, и исходящий “сверху” заказ.

Вызывает тревогу другое – по меньшей мере двойной, на мой взгляд, негативный эффект мифа “особости”. Во-первых, он, как любая легитимация фатальности, оказывает на людей деморализующее, обезоруживающее воздействие, подавляя в них потенциал инициативности, желания добиваться перемен к лучшему и вообще быть хозяином своей жизни. Во-вторых, он служит как бы лукавым самооправданием по модели “ничего нельзя сделать, все предопределено”, а на самом деле формой пассивной адаптации к неблагоприятным условиям, способом “выживания” в заданных и якобы непреодолимых обстоятельствах. Что на деле более вредно и опасно – пре-

доставляю судить другим, в том числе – нашим высоколобым либералам-западникам, лишь разводящим руками и рассуждающим о “неготовности” нашего народа к модернизации, о “зависимости от предшествующего развития”, о “чуждости” для него ценностей свободы, демократии, прав человека и уж во всяком случае нежелании за них бороться.

Но, быть может, наш *Zonderweg*<sup>3</sup> (особый путь) – действительно печальная неизбежность российской исторической судьбы? Помнится, герой одного лесковского рассказа, безуспешно пытавшийся внедрить в некоем уезде разные полезные средства улучшения жизни, в конце концов, отчаялся со словами: “Ничто хорошее вам не подходит”. К счастью, жизнь не подтверждает этого катастрофического умозаключения. А уж плоды западной цивилизации не просто подходят, а всюю используются даже самыми крайними и громкими антизападниками. И лишь формат статьи останавливает меня от соблазна выстроить по меньшей мере две цепочки эмпирических фактов из российской жизни и истории, одна из которых будет убедительно “работать” на одну, а вторая – на противоположную позицию. Даже в нашей квазиэлите, при всей ее интеллектуальной ограниченности, идеологию “особого пути” поддерживают меньше половины респондентов, а большая часть разделяют в той или иной мере общецивилизационные ценности<sup>4</sup>. А ведь и по данным Левада-Центра, и из работ И. Клямкина, других исследователей, да и просто невооруженным глазом видно, что идеология “особого пути” овладела отнюдь не самыми светлыми умами страны. Поэтому, на мой взгляд, те, кто приписывают массовому сознанию россиян подчиненность химере “особого пути”, вольно или невольно подтверждают тезис о нашей национальной неполноценности. Однако самое критическое видение всех трагедий и несуразностей отечественной истории и современности не дает оснований для подобного заключения.

Очень убедительно, по-моему, это показал Э. Паин в книге “Распутица”. Ее цель – противопоставить объективное научное знание мифологии культурной предопределенности, а основная идея – продемонстрировать, что «концепция “особой цивилизации”, обуславливающая и “особый путь”, и “особую демократию” России, – весьма распространенный в мировой практике способ оправдания незыблемости авторитарных режимов», что это есть не что иное, как идеологически ангажированная геополитическая спекуляция в интересах определенных групп, а ее навязывание имеет простую и прозаичную цель – исторически “освятить” сложившийся в 2000-е гг. политический режим с его “вертикалями” и патернализмом. Паин разделяет мою озабоченность тем, что наши либералы, пусть с иными чувствами, но охотно принимают тот же миф и тем укрепляют его. Как и я, он отдает дань уважения здравому смыслу “простых” людей, движущемуся к пониманию того, что источником произвола выступают не “те, понаехавшие, инородцы, а свои начальники, приватизировавшие власть в корыстных и, следовательно, антинациональных интересах” [Паин, 2009, с. 5, 188].

Мы расходимся с Паиным в отдельных моментах: мой образ движения цивилизаций – это колеи с периодическими “стрелками”, на которых общество может перейти на иную колею; образ Паина – распутица, то есть отсутствие дороги и возможность изменения пути в любой момент; по-разному мы трактуем и некоторые методологические частности, связанные с этническими и иными социально-психологическими стереотипами сознания. Но я полностью разделяю главную конструктивную авторскую позицию: в России не существует какого-либо “цивилизационного запрета” на переход от авторитарного к правовому режиму. Согласен я с тем, что у нас, наряду с подданническим менталитетом, в обществе с давних пор существовала и существует альтернативная, персоноцентристская контркультура, а “вся русская классическая литература... доказательство национальных российских корней концепции граждан-

<sup>3</sup> Это понятие родилось в Германии в период зарождения национального романтизма, было очень популярно в первой половине XX в., но ныне там полностью вышло из “моды” вместе с осознанием того, куда этот особый путь их завел.

<sup>4</sup> См. на этот счет весьма показательные эмпирические данные опроса фонда “Николо М” [Афанасьев, 2009<sup>а</sup>], а также [Афанасьев, 2009<sup>б</sup>].

ского общества... ее защитница и нравственный гарант” [Паин, 2009, с. 13, 201]. В этом, главном, наши концепции очень близки и взаимодополнительны. Но гораздо важнее, что они нацеливают не назад, не на воспроизводство все тех же архаичных патриархальных моделей взаимодействия народа и властей предрежащих, многожды доказавших свою историческую бесперспективность, а вперед, на социальную модернизацию.

До сих пор мы как социум были не слишком удачливы в выборе исторических путей. Как все сложится на этот раз? Переживаем ли мы сейчас “хмурое утро”, но следующего, обещающего, наконец, хорошую социальную погоду дня, или же опять с несущественными вариациями повторится все тот же дурной цикл “дня сурка”? Не берусь давать оценку вероятности реализации разных возможностей. Но важно в полной мере осознать собственную ответственность за судьбу страны. История показывает, что в критические периоды не только позиция и желания так называемой политической и прочей “элиты”, а воля и поведение обычных людей, рядовых граждан страны, в подлинном, а не в казенно-шовинистском смысле поднявшихся с колен и обретших личностное сознание и достоинство, может стать решающим фактором, который определит дальнейшую траекторию развития. Если же мы по-прежнему будем “упиваться” своей “уникальностью” или сокрушаться из-за нее же (в данном случае модус несуществен), то перспективы наши печальны. История вновь предоставила нам возможность повлиять на будущее своей страны и, кто знает, может, в чем-то и на судьбы других стран. Мы уже много раз упускали свой шанс. А ведь нынешний может оказаться и последним.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев М.Н.* Российские элиты развития. Запрос на новый курс. М., 2009<sup>а</sup>.  
*Афанасьев М.Н.* Общественный капитал российских элит развития // ОНС. 2009<sup>б</sup>. № 3.  
*Графский В.Г.* История политических и правовых учений. М., 2005.  
*Гусейнов А.А.* Мораль и политика: уроки Аристотеля // Ведомости. Вып. 24. Политическая этика: социокультурный контекст. Тюмень, 2004.  
*Драгуцкий Д.* Частное лицо эпохи // Космополис. 2008. № 21.  
*Древнекитайская философия.* Т. 1. М., 1973.  
*Зайцев В.* Наш и их патриотизм // Прометей. 1966. № 1.  
*Ключевский В.О.* Курс русской истории в 8 т. Т. 3. М., 1957.  
*Кордонский С.Г.* Ресурсное государство. М., 2005.  
*Крук Р.* Основы христианской этики. М., 2004.  
*Левада Ю.А.* К итогам изучения “человека советского” // Ищем человека. Социологические очерки 2000–2005. М., 2006.  
*Обама Б.* Дерзость надежды. СПб., 2008.  
*Оболонский А.В.* Бюрократия для XXI века? М., 2002<sup>а</sup>.  
*Оболонский А.* Драма российской политической истории: система против личности. М., 1994.  
*Оболонский А.* Человек и власть: перекрестки российской истории. М., 2002<sup>б</sup>.  
*Паин Э.* Распутица: полемические размышления о предопределенности пути России. М., 2009.  
*Переломов Л.С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981.  
*Поппер К.* Открытое общество и его враги. Т. 1. М., 1992.  
*Салтыков-Щедрин М.Е.* Признаки времени // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 7. СПб., 1906.  
*Толстой Л.Н.* Христианство и патриотизм // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. В 90 т. Т. 39. М.–Л., 1956.  
*Янов А.Л.* Патриотизм и национализм в России. 1825–1921. М., 2002.